

СЕРДЦЕ
Анны

Наталья
Боржа

Наталья Бочка

Сердце Анны

<https://litres.ru/74220754>

Аннотация

Когда Анна, совсем уже не надеялась встретить настоящую любовь, немолодой помещик предлагает ей руку и сердце. И тогда, она поклялась себе, полюбить его всем сердцем и посвятить жизнь. Но, вскоре - встречает другого человека. Он резкий и непредсказуемый, но Анна понимает, что не в силах сдержать обещание данное самой себе.

Исторический любовный роман

Женский роман

Содержание

Часть 1. Глава 1	4
Глава 2.	18
Глава 3.	28
Часть 2. Глава 1	38
Глава 2..	55
Глава 3..	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Часть 1. Глава 1

Глава 1

- Федюшка, Федюшка,- матушка высовывалась почти наполовину из окна, - да где ж он, озорник, запропастился? Семён! Семён!

Из-за угла появился Семён. Невысокий старик с руками почти до колен:

- Чего горлопанишь, вон он, в амбаре прячется. Федька, итить твою за ногу, ну-ка, давай сюда, паршивец, нето сейчас колоду возьму, - прокричал Семён в направлении амбара.

- Я те возьму, - возмутилась матушка, - ишь, какой.

Семён усмехнулся и что-то проворчал себе поднос, собирався снова за угол зайти, но матушка остановила:

- Да где ж он, Семён, голубчик, сходи, покличь, щи с пампушками стынут, - и она подмигнула Семёну.

После слов про щи и пампушки что-то в амбаре зашкряпело и свалилось. Широкая бревенчатая дверь с толстыми щелями медленно отворилась, и показался грязный мальчуган лет пяти. Одежда его и волосы все истыканы соломой. Он прищурился на солнце и хитро сказал:

- А что, матушка, никак звали к обеду?

- Я вот тебе сейчас такого обеда устрою. Наобедаешься. Вот, охайник, где ж ты лазиешь полдня? Кричу, кричу не докричишься. Быстро умываться и за стол. Чтобы мигом мне.

Федька стрелой побежал в сени. Там Марфа наскоро почистила ему брюки, рубаху и нещадно умыла лицо. Федька уже привык к такой её ласковости. Поэтому не обижался ничуть. К столу он пришел уже довольно чистым. Матушка накрывала. Быстрым взглядом окинула мальчишку и улыбнулась.

Матушка, как считал Федька, очень красивая. Он всегда ей любовался. Может, от того, что мало людей видел Федька, а деревенские женщины все сплошь не такие, как матушка. Ни одной женщины красивее он не встречал. Ему казалось, что она и есть все те красавицы, которых описывают сказки. Он каждый раз представлял матушку, когда кто-то рассказывал волшебную историю.

Лицо её даже снилось ему, круглые голубые глаза, алый рот. Тёмные волосы в тугой косе. Когда она расчесывала их гребешком, Федька всегда стоял рядом и иногда засовывал в волосы пятерню. Матушка улыбалась, и это нравилось Федьке. Привязанность к матери была очень сильной. Порой ночью он вставал с кровати и шел к матушке, тихонько ложился рядом и старался не шевелиться, чтобы она не проснулась. Но она не просыпалась, а во сне обнимала его и целовала в макушку или затылок.

Федька знал всегда, что как бы он не шкодил, как бы ни

баловался, матушка почти никогда не наказывала его. Обещала взять розги или поставить на горох, но никогда этого не делала. Даже Семён упрекал её за это:

- Смотри, Мария, вырастишь шалопутного. Без наказания дитя нельзя оставлять, залезет на голову, не стряхнёшь.

- Да за что ж его наказывать, - смеялась Мария, - это же дитё. Побалует, да перестанет.

Знал Федька эту свою безнаказанность и, конечно, этим пользовался. Жизнь его протекала в сытости и приволье. Матушка не бедствовала, хозяйство кое-какое имела. Семён и дочка его Марфа вся, считай, семья. Бегал Федька целыми днями с деревенскими мальчишками в игры играл, кур гонял, на ставок порыбачить, да искупаться. Ни забот, ни хлопот.

Но однажды все переменялось.

Что и как получилось, этого не знал Федька, слышал несколько слов, что Семён в сенях Марфе шептал: “Отравила чертовка - говорил, - со свету сжила”. Что это значит, не понимал Федька, только видел, как его матушка-красавица чахнуть вдруг стала на глазах.

Так же бегал, хулиганил, но как вечером домой возвращаться к матери в половину порой и не пускают.

Приходил пару раз человек со странным запахом, что-то говорил Марфе. Какое питьё давать.

Ночью уже не мог Федька к матушке пройти, то Марфа, то Семён рядом с ней ночевали. Но однажды удалось всё же

бесшумно пробраться.

Несколько дней кряду не видел Федька матери, и сильно от того страдал. И вот ночью решил проскользнуть, когда Марфа заснёт. Так и сделал. Встал с кровати и пошел тихонько в опочивальню. В темноте прислушался, Марфа на лавке похрапывает. Нырнул быстро в кровать к матушке и прижался к ней, сильно соскучился. Почувствовал её дыхание. Шевельнулась Мария и Федьку тихонько притянула, поцеловала его в затылок. И заснул он счастливый и спокойный.

А на утро проснулся снова в своей кроватке, встал и пошел к матушке, а по избе запах. Да голос что-то запекает. Подошел к двери, открыл. Лежит матушка неподвижно. Лицо бледное, губы синюшные, а над ней священник молитвы поёт.

Помнит ещё Федька и деревянный ящик, какой Семён весь день колотил, помнит, как всхлипывал над бледным лицом матушки.

Потом сказали, будто ушла она, вроде как на небо и когда вернётся, неизвестно.

А что ей там, на небе, если здесь, он – Федька.

Всё так же бегал Федька с ребятами по деревенским улицам. Кур гоняли, собак пугали, свиньям хвосты крутили.

Иногда под вечер так замается, что и за столом прямо засыпал. А на утро опять дружки босоногие со двора зовут.

И как будто ничего не менялось, всё так же хорошо и радостно живётся Федьке, только иногда про матушку вспоминал. У Семёна спрашивал, отчего она так долго не возвращается. Много дней уж пролетело, как ушла. Обратно, когда ждать, непонятно. К Марфе тоже приставал, а она всё отмахивалась. Иной раз глянет на Федьку, вздохнёт и слезу уронит. Непонятно, отчего.

Однажды пришел человек. Улыбчивый, добрый. В одежде чистой, не такой, как мужики деревенские ходят. Долго Федьку разглядывал. Прищурился и всё что-то под нос себе приговаривал.

В тот день гулять не пускали. Разговоры вели, всё про Федьку, больно часто он своё имя слышал.

Потом Марфа передела мальчугана в наряд новый, чистый, почти, как у того человека. Узел собрала, все, что у Федьки имелось, туда сложила. Вывели мальчишку из дома, Марфа всё его крестила, всё что-то причитала, да плакала. А Семён прижал к себе мальчика:

- Ну, - говорит, - смотри, не озорничай там шибко.

А где - там, не сказал.

А потом приезжий посадил Федьку в дрожки, сам рядом сел и спрашивает:

- Ну, что, Фёдор, поедem учиться?

Молчит Федька, глазами лупает, ничего не понимает.

И покатались дрожки по дороге. Деревенские ребята - по заборам стояли, кто рукой махнёт, кто крикнет, что на прощанье. А пёс соседский так на кобылу брехал, что аж до хрипоты.

Впервые в жизни ехал Федька в настоящих барских дрожках, в каких господа ездят. Пока в дороге были, чуть голову не свертел, хотелось получше окрестности рассмотреть. Ёрзал так, что вскоре зад заболел.

Ехали долго, даже ночью. Два раза останавливались в больших дворах, где людей множество. Дрожки, да телеги, лошади, собаки. В таковых местах Федька никогда не бывал. Люди там разные. Есть деревенские, по-крестьянскому одеты, а есть и барыни, да такие, что и взгляд не оторвать. Платья, что тот колокол. Отчего они это надевают? Неужто другого ничего нет. Неудобства одни. Как в таком платье по деревне бегать? Враз запутаешься. Видно, им не слишком это нужно. Всё ходят, важничают. И сидел Федька с открытым ртом, до того всё в диковинку.

А человек, что с Федькой, за руку крепко держал, вроде как, отпустить боялся. Но всё равно, никуда бы Федька не делся, страшно в чужих краях, среди чужих людей. Только надеялся, что там, куда едут они, ждёт его матушка. Решил – это она за ним послала. Ведь не может быть, чтобы она совсем за него забыла. Вот и решила человека за Федькой прислать. Только ехать, оказалось, вон как долго.

Но вот, спустя три дня и две ночи подъехала коляска к

высоким воротам, тут путешествие и закончилось. Вышел из дрожек сопровождающий, в калитку стукнул. Открылось оконце. Лязгнул засов, и калитка отворилась. Вышел человек весь в черном, верёвкой подпоясан. Глянул на Федьку тёмным взглядом, у того от страха аж в животе заурчало. А приехавший с Федькой подтолкнул мальчонку к калитке и бумаги чёрному протянул. Тем всё и завершилось.

Тогда, возле ворот тех высоких, началась у Федьки новая жизнь.

Если бы мог он хоть на немного представить себе, в какое место попадёт, то, возможно, ещё тогда, в дороге, сбежал бы и не оглядывался. Но, это он уже потом понял, спустя месяцы и даже годы.

Привезли мальчишку в закрытую школу, при мужском монастыре.

В школе этой давалось довольно серьёзное обучение. Строгая дисциплина и жесткие методы воспитания обламывали все изъявления воли или характера. Многолетняя система наказаний заставляла учеников выполнять все предписания и правила.

Перед страхом остаться без еды или быть жестоко наказанными стайка полуголодных мальчишек готова была зубрить любые правила и догмы. Но это не спасало младших и слабых. Старшие ученики отбирали еду и поколачивали тех, кто не мог за себя постоять. Несколько лет, проведённые

здесь, запомнились Фёдору неуёмной тоской, болью и унижениями, бесконечным чувством голода и холода.

В этих условиях Федька вынужден был научиться существовать. Но, конечно, это произошло не с самого начала. Не сразу понял он, а только после множества показательных уроков, что выживает тот, кто сильнее. Конечно же, не сразу пятилетний мальчишка научился выдержке и преодолению. Узнал невозможность терпеть, но и невозможность пожаловаться. Не сразу понял, что, если он не возьмёт сам, то никто ничего не даст. По крупице, по камешку собиралось и складывалось в его мозгу осмысление этих истин. И так, постепенно, не сразу, он стал следовать им.

С самого рождения каждый человек имеет свой набор качеств, то, что называется характер. То, что будет с ним всегда, на протяжении всей жизни. Но, в определённых условиях, качества эти способны меняться. Порой невозможность сопротивляться обстоятельствам заставляет подчиняться им и следовать в том направлении, в какое вовсе человек и не стремился.

В детстве невозможно выбрать окружение. Приходится существовать там, где рождён или куда определяют. Ребёнок не может решать, за него это делают другие. А ему приходится только приспособливаться к обстоятельствам. И характер его начинает свой путь в той среде, в какую его поместили.

Всякое общество может сломать то положительное, что дано с рождения. Но может, напротив, развить и усовершенствовать. Хорошо, если так. Если условия позволяют раскрыться личности, напитываться лучшими качествами. А если нет? Если попасть туда, где само слово существование звучит как насмешка. Где у человека нет голоса, где всё, что он скажет, никому не нужно, а за инициативу только наказание. Что тогда? Куда денутся все самые лучшие черты характера. А что будет с худшими? Куда спрячется тот огонь, что не в состоянии вырваться наружу. Уйдет или затухнет навсегда? Что делать, когда свободная душа будет упрятана в узкие тёмные комнаты?

Или напротив, что, если пламя всё же вырвется?

Что будет делать маленький Федя, когда обласканного любовью матери и ветром свободы, его приведут в комнаты с серыми стенами и оставят там на много лет? Что случится с его смехом, с бесшабашностью?

Он изменится, покорится и может, даже сломается. Что угодно, но точно станет другим.

Потом уже, он сам, мог обидеть слабого, забрать, побить, оттолкнуть того, кто бросится на него в голодном негодовании. Именно тогда, когда учили его самопожертвованию, он отбирал. Говорили о самобичевании, и он бил.

Тогда, несмотря на святые истины, на праведное учение, выплёскивалась из него неутомимая энергия, словно ветер,

что не сдержать.

Когда, вздохнув с облегчением и перекрестившись на ворота монастыря, Фёдор покинул школу, всё, что он знал, кроме непреложных истин и дисциплин, отмеченных в дипломе, это неукротимое желание владеть миром.

Очень легко его приняли в университет. В этот момент почему-то потянуло в юриспруденцию. На том и встал.

Здесь, в университете, в другом совершенно обществе, он, быть может, только на мгновение смешался. Но тот таран, что сидел в нём, и тут пробил стену. Он шел напролом, рисковал. Очень скоро вокруг него собралось общество самых, что ни на есть отвязных гуляк и прожигал. Фёдор властвовал и руководил. В компании этой были отпрыски богатых дворян, зажиточных мещан и купцов. Молодчики, что привыкли кидать деньги, не считая. Тут были и прилипалы, что норовили погулять за чужой счёт.

Тогда же, в университете, много времени Фёдор стал посвящать, так сказать, интимному воспитанию. Сначала грубый опыт борделей и трактиров. Постепенно, по мере того как наука эта осваивалась Фёдором всё глубже, методы его обучения становились всё увереннее и виртуознее. В конце концов, искусство оболыщания стало считаться одним из талантов Фёдора.

Он не относился к этому серьёзно, за несколько лет была пара увлечений, но не таких, чтобы о них вспоминать. Отношения с женщинами не стали для него тем столпом, на который, женившись, опираются мужчины. Он не считал женитьбу важным жизненным моментом, скорее помехой, какую к себе близко не подпускал. Не хватало еще, чтобы над ним потешались, так как он потешался над другими. Вполне естественным выглядело в глазах окружающих то, что он не стремился связывать себя узами брака. Пусть даже с самой богатой и влюблённой барышней.

От того, что общение с женским полом, какое имелось в доступности у Фёдора, оказалось вполне достаточным, то и никакого другого заводить не было срочной необходимости. Ничего в том зазорного, что во время весёлых посиделок с друзьями в окружении мелькали женщины легкого поведения, ведь что ни говори, а без этого никак не выходит.

Удивительно, но в этом невероятном пылу, за бесконечной чередой веселья, успевал Фёдор учиться. Как это у него получалось, одному ему известно. Светлый, пронзительный и цепкий ум его не раз поражал наставников. Было удивительно, как без намёка на утруждение он сдавал сложнейшие работы. Отношение к обучению, граничащее с наплевательским, в то же время поражало исполнительностью и держало наставников в постоянном напряжении. Никто не понимал, как такое может быть.

Многие от него страдали, но так же некоторые восхища-

лась. Странно было наблюдать за человеком, который практически ненавидит учёбу, но так старательно по ней идёт. Как подневольный. Будто ему дали задачу и он хочет, не хочет, а исполнить должен. Но ведь не каждый будет выполнять то, что не нравится, если только он подневольный.

Иначе, в силу характера, или ещё по каким импульсивным причинам, если вдруг, Фёдор захотел бы кинуть всё и уйти из университета, кто знает, как отнеслись бы к такому решению его тайные покровители. Не зная ни одного человека из своих родственников, Фёдор понимал, что, возможно, никогда этого и не узнает. Поэтому, осознавая всю тонкость и неопределённость положения, он учился и в этом смысле не рисковал. Хорошо еще, что он хоть сколько-то понимал важность этого намерения. Фёдор чувствовал, сопротивляться бессмысленно, шел вперёд, туда, куда толкали. Он не спрашивал, почему так. Да и спросить-то было не у кого. Раздираемый сомнениями и неизвестностью, он брал всё, что давалось.

Ещё он знал, что не беден. Хотя, происхождение средств было ему не ведомо.

Фёдор получал тысячу рублей в год. Плата за обучение всегда была погашена без него. И в этом смысле Фёдор совершенно не тревожился. Он до того наглез, что уже даже не удивлялся ежемесячным переводам на его имя денежных сумм. Принимал как должное. Ладно бы если средства эти тратились на пропитание и достойное существование, но они

полагались на весёлые попойки и досуг. Что-то, конечно, уходило на обновление гардероба, на оплату счетов по жилью. Львиная доля всегда шла на единственный интерес, в каком кто-то когда-то замечал Фёдора - на трактиры и женщин.

И без зазрения совести он тратил полученные средства на то, что считал верным. Тогда он довольно быстро сообразил, что деньги-то ему даются, а вот отчёта о потраченном никто не требует.

После университета по рекомендациям Фёдор нашел неплохое место в суде. Стал зарабатывать, но работа его не затянула. Он понял вдруг, что профессия, какую он осваивал, и довольно успешно, несколько лет, оказалась скучнейшим занятием, и наотрез отказался этим заниматься.

Что именно собирался делать Фёдор, он не знал. Надеялся, что обстоятельства в какой-то момент жизни подбросят достойную идею. Но время шло, а все его занятия заключались в передвижениях из одной гостиной в другую, из одного борделя в другой. А так же в череде ночных приключений, что неизменно заканчивались скандалами и драками.

Но, несмотря на это, его везде принимали. Правда, мало кто представлял точный статус - Фёдора Михайловича Пашина и место, что он занимал в свете. Но, раз человек состоятельный и нрава неординарного, соответственно, и интерес к нему вполне понятный. Он был очень известен, тем более, среди разгульной молодёжи, а так же барышень на вы-

данье. Хотя, и некоторые дамы постарше, нередко проявляли к нему интерес.

Что ещё играло в его пользу, так это то, что по слухам, он был непомерно богат. Но сколько на самом деле он имел денег, не знал никто. Лишь только домыслы и предположения слышны в гостиных Петербурга. Многие утверждали, будто денег он не считает, сорит направо и налево. Кто-то говорил, что он тратит тысячи, другие клялись, будто он миллионщик. Но ни то, ни другое не было верным. Видимость, какую создавал беспокойный нрав Фёдора, слишком преувеличивала то, что было на самом деле.

Глава 2.

Всё это время - годы напряженного ожидания. Он постоянно ощущал чьё-то незримое участие в своей судьбе. Кто-то бесконечно делает выбор за него. Двигает вперёд, оберегает. Он хотел знать, что это за человек? В чём причины такого покровительства? Ведь, если Фёдор, простой, деревенский мальчуган удостоился этой благодати, на то должны быть веские причины. Что есть в нём, чего нет в других?

Фёдор думал об этом день за днём. И даже ночью. За любым делом эти мысли не покидали его. Что такого в нём особенного? Кто он?

Он понимал, что никогда уже не увидит свою мать. Всё, что мог вспомнить, было ничем иным, а уходом её в другой мир. Он не знал обстоятельств её смерти, но собирался обязательно выяснить это, когда появится возможность. Несколько слов, которые он силился не забыть, произнесённые Семеном в тишине сеней: «Отравила, чертовка, свела в мир иной». Не было никаких сомнений, что мать умерла тогда в деревне. С трудом вспоминался человек, который приехал и увёз Фёдора. Кто он? Если отец, почему не признался, отчего не приходил все эти годы?

Раз кто обеспечивает, значит, есть причина. Возможно, и даже, скорее всего, по родству. А раз, так и правильно – пускай платит, тот, кто должен. Пусть отвечает за него, за Фё-

дора рублём, раз столько лет не участвует лично.

Пытаясь хоть что-то восстановить в памяти, Фёдор заходил в тот же тупик. И снова вопросы, вопросы. Откуда – то что он получает? Деньги, оплата счетов, университета, содержания, проживание. Откуда?

Он видел студентов, которые носят до дыр изношенную одежду. Знал тех, кто не может купить даже хлеба, но с голодными глазами зубрит латынь. Он знал тех, что и пальцем не пошевелят для учёбы, что бросают деньгами, как бумагой, хотя одна такая бумажка может год кормить целую семью. Он видел и то, и другое, только не мог понять, где находится он сам. В каком статусе? В каком измерении?

Всё шло своим чередом. Так как с самого детства Фёдор был обеспечен, то и не знал ничего другого. Вольготное существование его достигло той точки, от которой человек понимает, что не изменится ничего. Он привык к постоянству. И совсем не предполагал, что стабильность может закончиться.

В те дни Фёдор шумно отпраздновал с друзьями свой тридцатый день рождения. Он был полон сил и надежд на будущее, хоть и не слишком его представлял.

И вот, именно тогда, когда не ждал, он вдруг не получил полагающихся денег. То, что столько лет казалось привычным, неожиданно перестало быть таковым. В назначенный день перевод не пришел. Не пришёл и через неделю, месяц. Ничего. Вместо этого появился человек и протянул письмо,

в котором говорилось, что содержание будет прекращено, до тех пор, пока Фёдор не устроится на работу.

Сначала злость овладела Фёдором. Почему он должен работать? Но вскоре понял, это не шутки, решил не искушать судьбу и не раздражать людей, что благоволят к нему. Требование их справедливое. Значит, нужно выполнить то, что требуют.

Впрочем, здесь он не слишком старался. Место подыскал товарищ по университету, что работал в суде. И снова Фёдор принялся за дело, которое казалось ему скучным и неинтересным. Только теперь он, вроде как, обязан это делать, и от того работа стала ещё более ненавистной.

Когда дают деньги и не говорят, куда их нужно тратить, а всё, что требуется, - это получать образование – это одно. С этим ещё можно как-то смириться. Но совсем другое, когда почти заставляют работать. Отбирают то, к чему привык, и без чего уже не в состоянии справиться. Раньше казалось, что прожить-то без этих средств можно, но это только казалось.

Он не был готов прогибаться опять. Но не мог влиять на ситуацию. Как тогда в детстве, в монастырской школе, он не мог повлиять на то, что его побьют или отберут еду. Пережить это чувство вновь? И тогда Фёдор решил сломить то, что ему навязывают. Да, он понимал, что поступает неправильно, что нужно зарабатывать деньги, а не получать их. Но какая-то внутренняя нетерпимость к зависимому своему положению бунтовала внутри его сознания, и он решил не

противится этому бунту.

Но в то же время Фёдор очень чётко осознавал, что живёт неправильно. Расслабленно. Не так, как если бы чувствовалась в его жизни определённости. Если бы она была, обязательно бы жил по-другому. Более правильно. Более верно. Но определённости никто не давал. А значит, Фёдор жил, как жил, тревожась лишь о том, сколько ещё это будет продолжаться.

Тогда, в тридцать лет он решил, наконец, всё прояснить. Решил понять, что происходит с его жизнью и где разгадки тайн.

Он решил найти того, кто присылает ему деньги.

Но это оказалось не слишком лёгким делом. Он ходил, спрашивал, искал, думал. Но как узнать, кто присылает деньги, если не указан отправитель. Тогда Фёдор решил, нужно ехать туда, откуда отправляются переводы, ведь на них есть штемпель. Но и это, оказалось, отпадает, так как в каждой квитанции стоял штемпель разных городов. И узнать, из какого города будет отослан следующий перевод, всё равно, что считать звёзды на небе. Тем более, что ничего уже не приходит. Но Фёдор не отчаивался и думал.

Ждать человека, который иногда приходил и передавал указания или просьбы, было самым лучшим решением. Но

сколько его ждать, если такой человек приходил раз в полгода или даже год. Тогда Фёдор решил спровоцировать его появление, сделать так, чтобы он пришел, как всегда приходил при обстоятельствах, требующих особого внимания.

Сказал Фёдор на службе, что приболел, да и не появлялся месяц. Сам, конечно, всё это время дома не сидел, с визитами похаживал, да за передвижениями вечерними замечен был. А заодно старался осматриваться, не наблюдает ли кто, за этими его чудачествами.

И точно. Чуть больше месяца прошло, как-то утром, когда Фёдор ещё наслаждался моментами сна после ночной попойки, звякнул на входной двери медный колокольчик. Слуга - Яшка, молодой проворный малый, как полагается, открывать вышел.

В небольшую, пахнущую табаком прихожую, брезгливо озираясь, вошел невысокий мужчина. Картуз казался слишком круглым в сочетании с вытянутым лицом, подбородок лоснился от глянцевого блеска, без сомнения только из цирюльни, а маленькие плечи едва удерживали подбитую шерстью плотную накидку. Щёлочки-глазки бегали по стенам, он будто что-то выискивал. При этом умудрялся показать всё неприятие того, что он видит и обоняет. Тем не менее, человек этот совсем не торопился покинуть квартиру, вероятно, потому, что пока не исполнил миссию, с какой пришел.

- Будь добр, милейший, покличь хозяина, - сказал он,

осмотрев слугу с ног до головы с явным осуждением внешнего его вида, - ну, что ты встал как вкопанный, или не слышал? Шевелись, милейший, мне совсем не хочется разглядывать твои небритые щёки.

Слуга с неохотой повернулся, было, но вроде что-то вспомнил и обратился к пришедшему.

- Так хозяин спит еще. А будить до полудня не велели.

Мужчина удивлённо и несколько даже с возмущением глянул на нагловатого слугу и сказал:

- Голубчик мой, мало ли, что хозяин сказал, ежели хочешь и впредь жалованье получать, то поднимай немедленно, не то будете ещё месяц на экономии сидеть.

При этих словах слуга, быстро смекнувший, что и зачем, тут же ринулся в комнату к Фёдору и начал нещадно его тормошить. Тот уже немного различал голоса в прихожей, но только не мог понять слов. И когда слуга шепнул, что о содержании говорить пришли, Фёдор чуть было не свалился с кровати. Он сел, а потом как был, в рубаше пошел в гостиную, куда без ведома уже успел переместиться утренний гость. Слуга побежал следом, с халатом и почти на ходу набросил его на хозяина. Фёдор вошел в гостиную и устался на разглядывающего картину с обнаженной натурой, человека.

- Прошу великодушно простить, что не в состоянии как подобает встретить. Приболел немного, - Фёдор старался делать болезненный вид, хотя с постели у него и так вид был

не очень.

Пришедший, в свою очередь, подозрительно уставился на Фёдора. Он как бы оценивал степень его болезни, в глазах угадывалось подозрение и настороженность. А тут, в подтверждение к внешнему виду, у Фёдора что-то защекотало в носу, и он громко чихнул три раза, чем окончательно поставил гостя в испуганное положение.

- Простите, простите, - повторял Федор и стал с силой тереть себя за нос. Тот стал красным и слезы, появившиеся от чиханья, так же сыграли благотворную роль в этом ловко разыгранном спектакле. Эффект был именно тот, что нужно. Гость попятился к двери и засуетился.

- Ну, что вы, не извиняйтесь, каждый может подхватить простуду, тем более, в такое время, - он уже повернулся, было, уходить, но Фёдор остановил его вопросом.

- А по какому поводу вы, собственно, посетили мою скромную персону?

- Да я, в общем-то, по поручению. Намеревался узнать о состоянии вашего здоровья.

- Это что же, со службы прислали?

- Именно. Именно. Так и есть. Ну, что же, я не буду долго вас задерживать. Так и отчитаюсь, мол, болеете. Прошу извинить. До свидания.

- Ну, что же, раз так, не смею задерживать, до свидания и вам, - Фёдор развернулся и пошел снова в спальню.

Когда дверь внизу захлопнулась, Фёдор выскочил из

спальни и подошёл к слуге:

- Быстро за ним! Быстро. И без адреса не возвращайся.
- Слушаюсь, - тот выскочил из квартиры и ринулся в гущу людей, что заполняли улицу.

Яшка вернулся только вечером в довольно сомнительном состоянии. Неверные его движения и икающий голос даже не намекали, а прямо говорили об организме разгоряченным вином или может, чем покрепче. Хотя, Фёдор хорошо знал все пристрастия Яшки, но в этот раз запах был особенно нехорош.

В нетерпении Фёдор напустился на слугу:

- Я за каким вопросом тебя посылал? Что просил сделать? Нет, сил моих больше нет с тобой возиться. У всех слуги как слуги, а у меня какой-то олух. Ведь я прежде тебе говорил, предупреждал, придёт человек, нужно проследить за ним. Узнать, куда пойдёт, в какой дом. Чего доложит. Ну, или хотя бы дом запомнить. А ты что? В другой раз не мог напиться, скотина? Говори, чего мычишь?

А тот еле языком ворочает:

- Так, ить, вы слова не даёте вставить.
- Ну, говори. Жду.

На это слуга медленно стал рыться в карманах, то что-то вытаскивал, то снова запихивал и при этом весело смотрел на теряющего терпение Фёдора.

- Не ругай, - грозил пальцем Яшка, - я, ить, дела-то не

забыл.

И вот, наконец, он вытянул из кармана смятый листок и протянул его Фёдору. Тот выхватил его, развернул и прочитал. В бумажке, а это оказалась обычная промокательная бумага, чётко каллиграфически, чернилами отпечатанный адрес, такая-то губерния, такой-то город и главное – имя – Сергей Фомич Бердяев.

То, что произошло в тот момент в душе Фёдора, трудно описать. Словно горячая волна захлестнула и понесла. Ему вдруг стало тяжело дышать, и он покачнулся. Прошел в спальню, упал на постель. Он слышал, как возится в прихожей Яшка, шум улицы, гул голосов, цоканье копыт, стук колёс, слышал - всё, но как ему показалось по-новому. Вокруг всё будто стало другим.

Он не спросил у слуги подробности, что это за адрес и откуда взялся, потому что почувствовал – это именно тот, который нужен. Он даже не допускал мысли, что человек, чьё имя и фамилия указаны в бумажке, может быть совершенно посторонним. Нет. Фёдор как будто почувствовал ветер, который несёт его именно туда, в ту губернию, в тот город. Без сомнения, именно там он найдёт ответы. Все. И, возможно, не только.

Наутро Фёдор смог расспросить Яшку о подробностях вчерашней слежки. Узнал, что человек, который приходил, сразу от Фёдора проследовал на почтамт. Там написал несколько строк на почтовой бумаге. Запечатал и подписал.

Адрес он промокнул пресс-папье и отправил письмо. После того как он ушел, Яшка подсел за стол, вроде, что-то пишет и снял промокашку с пресс-папье. Отсюда и адрес, чётко отпечатанный на листке.

Ну, а как вышел с почты, так встретил дружка своего, а тот целковый где-то заработал, да позвал в трактир посидеть. Ну, и не стал Яшка отказываться от дармовой выпивки, раз адрес всё равно уже в кармане.

Вроде, и понимал Фёдор, что адрес этот может быть не тот, и человек, что приходил, мог написать кому угодно, и слуга мог просто не захотеть таскаться за ним весь день и принёс первое, что давало хоть какой-то результат. Но почему-то бумажка эта была теперь дороже всего на свете для Фёдора. Он повторял слова из адреса и фамилию – Сергей Фомич Бердяев.

Глава 3.

Чуть не на следующий день засобирался Фёдор в дорогу. Яшку на хозяйстве оставил, а сам благополучно поехал, как рассуждал он, разгадывать загадку своей жизни. А что, если поездка эта не увенчается успехом? Такого исхода он старался не представлять.

В поезде Фёдор сидел у окна и смотрел вдаль: на поля, леса, да степи бескрайние. Вспомнился отчего-то тот долгий путь до монастыря. Смутные очертания человека, что за руку его держал неотрывно. Показалось Фёдору, будто опять едет он куда-то, где не увидит больше свободы. Где душа его станет снова подневольной. И даже решил вернуться. А ну, его всё – подумал.

Что там, в конце этого пути, радость или разочарование? Надежда или новая пропасть? Кто такой, этот Бердяев? Прояснит ли мысли, ответит ли на вопросы? Не прогонит ли?

Метания эти напрочь лишили аппетита и сна. В иные минуты забывался между сном и явью. Нехорошо охватывала тревога. Как не старался Фёдор храбриться и не допускать плохих мыслей, страх тугим кольцом стягивал сердце и порой вздохнуть не давал. Страх неизвестности, невозможности предугадать.

В какой-то момент Фёдору вдруг встало всё равно. Он отпустил волнение и постарался оградить себя от жестоких

терзаний. И, если бы путь был немного короче, кто знает, в каком состоянии душевном пребывал бы Фёдор, но в пути, он, что называется, перегорел. Остыл. Когда, на станции, он брал коляску, чтобы ехать в имение Бердяева, был уже почти спокоен.

Когда дрожки проехали сквозь сад, и в глубине его остановилась у крыльца раскидистого, с высоким цоколем дома, на небе уже зажигались первые звёзды и месяц, не повернувшийся до половины, мирно освещал верхушки деревьев. У дома несколько фонарей, равномерно расставленных по периметру, будто приглашали зайти в их желтоватый свет и полюбоваться подступающими к дому деревьями.

Фёдор спрыгнул с подножки, осмотрелся, вздохнул, и запах куриного бульона защекотал ноздри. Где-то в доме готовили, а Фёдор именно сейчас почувствовал себя невероятно голодным.

Входная дверь открылась, показался человек, похожий на лакея. В столь поздний час, видимо, гостей не ожидавший, от того и не успел надеть ливрею. Он спешил навстречу приездему и на ходу приглаживал волосы. Фёдор бросил поводья парнишке, что будто вырос из темноты, и направился к крыльцу.

- Вечер добрый, - поклонился лакей, - как прикажете доложить?

На мгновение Фёдор задержался, но потом ответил:

- Пашин Фёдор Михайлович.

Лакей удалился. Дверь закрылась. Кто знает, откроется ли она ещё раз?

Несколько минут тишины и ожидания сравнимы с вечностью. Всего несколько минут, две или три, Фёдор будто погрузился в пространство, где нет ничего: ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Он стоял с широко открытыми глазами и ждал того, что сейчас произойдёт.

Послышались шаги. Дверь открылась, на пороге остановился человек. Крупная его фигура заполонила весь проём, как будто преграждала путь. Строгое лицо, несколько мгновений не выражало ничего хорошего, но потом словно размягчилось, мужчина улыбнулся доброй и где-то даже обаятельной улыбкой:

- Что ж, проходите, раз приехали.

Слова эти показались Фёдору медовой патокой, что полилась на сердце. Он вздрогнул и поспешил подняться по лестнице. Подошел к человеку у двери. Тот жадно разглядывал Фёдора, он не скрывал своего любопытства, не отстранился. Он просто стоял и смотрел, а когда Фёдор приблизился, даже дотронулся до него. Потом встрепенулся:

- Что же я стою? Проходите.

В гостиной хозяин обернулся:

- Можете не представляться, я знаю кто вы. Я так понимаю, вы так же знаете, кто я? Прошу, - он указал на кресло, сам сел напротив.

- Вы Сергей Фомич Бердяев? – Фёдору было неловко и

непривычно произносить вслух то, что он сотню раз уже произносил в уме.

Гостиная в бежевом тоне удивила сдержанной элегантностью. Уж в обстановках гостиных Фёдор кое-чего понимал. В комнате этой было во много раз больше вкуса, чем в иной гостиной Петербурга. Там, в стремлении превосходить друг друга, хозяева часто забывают об элементарном изяществе. В желании угнаться за модой пытаются поразить гостей дороговизной и роскошью. Тут же каждый предмет казался полезным и стоял на своём месте. Фёдор почувствовал себя даже смелым в этой обстановке элегантного уюта.

Пока Фёдор разглядывал гостиную, Бердяев разглядывал Фёдора. Пауза эта не была неловкой, она была скорее предсказуемой и оправданной. Казалось, каждый обдумывает с чего начать. И вот, наконец, когда взгляд Фёдора переместился с мраморной стойки камина на ручку кресла Бердяева, тот начал:

- Позвольте спросить вас, Фёдор Михайлович, как так случилось, что вы приехали именно ко мне?

Вопрос при некоторой своей странности не смутил Федора, он ответил без обиняков:

- Мой слуга проследил за посыльным. А на почте снял промокашку с пресс-папье.

Бердяев усмехнулся:

- Значит, имели цель выяснить?

- Имел, - просто ответил Фёдор.

- И что же? Чего вы хотите? Ведь не для того вы проделали столь долгий путь, чтобы разглядывать мою гостиную, не так ли?

- Не для того – это верно.

- Так что вы хотите?

- Я думал, вы мне скажете.

- Что скажу?

Фёдор смутился. Странное поведение Бердяева начинало раздражать, но ведь и сам Фёдор не задал ещё ни одного вопроса. Так в чём тогда дело, пора спрашивать, иначе можно зайти в тупик.

И Фёдор начал:

- Вы, Сергей Фомич, простите меня право, я не стану ходить вокруг, и спрошу напрямик, отчего вы посылаете мне деньги? Что это значит? Может вы, какой родственник мне и не хотите признаваться? Поймите, меня эти вопросы мучают уже много лет. Я просто хочу понять, кто я. Кто мои родители? Только и всего. Может, вам непонятно, но для меня это важнее, чем что-либо. Я хочу узнать, есть у меня на это право или нет?

Он говорил, а Бердяев грустно смотрел на Фёдора, казалось, что он ничего, совсем ничего не знает. Что приехал Фёдор напрасно, тут он не получит ответа. И чем яснее он это понимал, тем отчаяннее взывал к Бердяеву.

- Понимаете, я всю жизнь один. Всегда, сколько помню себя. И я всё думал, почему так? Почему я один? Где мои ро-

дители, отчего они не приходят ко мне? Я ждал. Всю жизнь ждал. В школе, у монахов, когда к другим приезжали родственники, издалека, я никак не мог понять, почему ко мне никто не приходит, - Фёдор дернул головой, пытаясь скрыть от Бердяева накатившую слезу. Немного помолчал и продолжил, - отчего, скажите мне - я один? Я предполагаю, что вы знаете. Вы должны ответить на этот вопрос. Я просто не сдвинулся с места, пока вы не скажете правду.

Молчание было в ответ. В эти мгновения Фёдор чувствовал, что в голове его смешалось всё: отчаяние, страх, ожидание. Казалось, если сейчас Бердяев не заговорит, то он - Фёдор провалится сквозь землю и больше никогда оттуда не выберется. Тишина, разочаровывающая тишина. И вот Фёдор начал уже впадать в отчаянную борьбу с самим собой. Ему вдруг захотелось встать и бежать отсюда, чтобы никогда больше не видеть этого места. Он собрался с духом, хотел уже что-то сказать, когда Бердяев заговорил.

Сбивчиво и не уверенно, казалось, вот сейчас, в эту самую минуту, он впервые выдумывал то, что решил сказать.

- Ты прав. Я стараюсь понять тебя, но это нелегко. Может быть, я что-то упустил и не смог предугадать этого, но мне всегда казалось, что я поступаю правильно. Я думал, то, что ты не нуждаешься, уже хорошо.

- Прошу скажите, кто мои родители?

- Их нет давно на этой земле. Они умерли, - сказал Бердяев и поджал губу. Он старался не смотреть Фёдору в глаза.

Известие это огорчило.

- Но кто они? В детстве я помню только мать, но никогда не видел отца.

- Твой отец - мой кузен. А твоя мать, - он смешался, - твоя мать - крепостная крестьянка. После того, как она забеременела, твой отец увёз её, построил дом, дал слуг. Она жила хорошо. Ни в чём не нуждалась.

- Но она не была за ним замужем, - будто договорил за Бердяева Фёдор.

- Да. Замужем она не была. Твой отец был женат на другой женщине. На дворянке. Сам понимаешь, он не мог жениться на крестьянке. Но он любил твою мать, и его жена это знала. Она чувствовала это, - Сергей Фомич говорил медленно и, как будто задумывался над каждым следующим словом, - Она была хорошая женщина, его жена. Но она не могла переносить того, что он любит другую. Любит крестьянку.

- И она отравила мою мать?

Взгляд, который Бердяев поднял на Фёдора, был страшным.

- Да. Она отравила её.

Глава 7

Сын крепостной крестьянки. Правда, которую он хотел знать. Имел право. Но стало ли легче на душе? Скинулся ли груз тайны, прижимающий всю жизнь. Нет. Казалось, груз этот стал ещё тяжелее.

Как понимать теперь себя? Как ощутить себя внутри этого мира сыном крепостной крестьянки? Куда идти, где жить?

Фёдор понял, что влез туда, куда не следовало. Отныне, знание это будет с ним на протяжении всей жизни. Если раньше, свобода и пренебрежительное отношение ко всему были основным его девизом, что может он сказать теперь? Враз, из одного человека превратиться в другого. Страшно. Как никогда. Даже в детстве, в школе он не ощущал того страха, какой почувствовал в эту ночь, в чужом доме. Холод и отвращение к самому себе.

Фёдор не спал. Какой сон. После услышанного, там, перед Бердяевым, он был спокоен. Но, едва дверь комнаты, в какую провела его служанка, плотно закрылась, Фёдору показалось, что дыхание перекрыто, и он стал ртом хватать воздух. Скрючился около двери и почти упал. Он ударился о стену, чтобы хоть как-то держаться на ногах. Хватал себя за голову и тёр лицо. И не мог понять, что происходит. Он, как ребёнок, ждал, может кто-то сейчас придёт и поможет ему выбраться из этого состояния страха и паники. Кое-как дошел до кровати и упал на неё, словно камень.

На рассвете Фёдор открыл глаза. Какая-то птица пела прямо возле окна, и мелодия её песни показалась спасительной. Фёдор поднялся с кровати и подошел к столику, чтобы умыться. Послышался стук. Без ответа дверь открылась, и вошел Бердяев, пристально посмотрел и явно заметил в лице Фёдора следы бессонницы. Бердяев прошел вглубь комнаты

и остановился у окна. Потревоженная птица вспорхнула и улетела.

- Ты, Фёдор, свободный человек, запомни это. - Бердяев смотрел куда-то над деревьями, - Отец твой о том позаботился. Чистого капитала нет у тебя, только содержание с небольших капиталов, какие имел твой отец. Он так распорядился. Всё рассчитал. А от себя я хочу добавить, живи достойно, именно этим ты отдашь дань уважения памяти своей матери, достойнейшей женщине. А то, что отец твой оказался слаб перед её красотой, не суди его. Всё мы грешны, каждый по-своему.

В это утро Фёдор уехал. Тот путь, который он провёл в возбуждённом нетерпении, когда ехал сюда, в обратную сторону показался совсем коротким. За мыслями и переживаниями Фёдор не заметил, как снова был в Петербурге, в своей квартире. Яшка открыл дверь и приветливо заулыбался:

- Добрый день, Фёдор Михалыч.

Фёдор посмотрел на слугу и подумал, чтобы он сказал, если бы знал, какого на самом деле происхождения его хозяин. Ещё ниже, чем сам Яшка. Ещё ниже. Возможно, он не улыбался бы так приветливо и вообще не стал бы ему прислуживать. Как низко. Как гадко.

Что делать, что говорить людям? Как смотреть в глаза товарищам? Переживания эти раздирали Фёдора изнутри. Захотелось больше никогда не выходить из этой квартиры, не видеть никого, и чтобы его никто не видел. Скрыться. Не

показываться.

Но нервные звуки колокольчика прервали эти грустные размышления. Яшка открыл. В квартиру ввалилась компания, которая вот уже несколько лет не менялась. Болотов - богатый транжира, нахальный и развратный. Какуишвили - молодой князь, которого именитые родители послали в Петербург получать образование. Верёвкин своих средств не имеет, зато на деньги других умудряется не только покутить, но и проживать. И Семёнов - толстый весельчак и балагур.

Шум в прихожей заставил Фёдора быстро забыть все грустные мысли и переключится на более привычный лад. Он вышел и расставил руки в приветствии. Словно поскорее старался вернуться к тем привычным для них дням. Всё то, что связывало их: пьянки, женщины, карты, - снова нахлынуло и сокрушающей волной подхватило Фёдора - и понесло. А он не старался сопротивляться.

Нужно жить, как жил, и постараться не вспоминать разговора с Бердяевым. Забыть его, будто не было, будто сон.

И Фёдор забыл.

Часть 2. Глава 1

Недалеко от северных ворот небольшого городка Л, всего через одну недлинную улицу с невысокими, каменными постройками, начиналась высокая резная ограда, за которой раскинулся с дубами и осинами парк. Ворота виднелись чуть поодаль, как всегда, открыты. Никто не закрывал их уже много лет, за ненадобностью. Если кому потребуется, могли и днём, и ночью войти в те ворота, было бы на то желание. Разные люди мимо них ходили. Бедные, каких беднее не бывает, да убогие, мещане, купцы да дворяне. Кто пешим пройдёт, кто в простых дрожжах проедет, а иные в карете с золочеными вензелями. Всякий народ тут бывает, и цели у всех разные.

Посреди парка правильным квадратом стоит здание в два этажа с положенной углом крышей. Серые от вековой пыли стены с островками былой краски, облущенные дождями и выцветшие на солнце. Высокие арочные окна первого этажа и низкие, почти под крышей второго, с аллей парка казались тёмными глазами невиданного чудовища. Пространное, на всю ширину здания крыльцо, массивная посередине дверь и два кирпичных дымохода сверху завершали картину.

Малаховская богадельня – так звалось это заведение, построенное на деньги купца Ильи Малахова почти полстолетия назад. Через несколько лет после войны с Наполеоном и

смерти жены купец отписал на нужды богадельни шестьдесят тысяч рублей. Пятнадцать тысяч полагалось на постройку самого здания, а остальные деньги шли на содержание от процентов для бедных постояльцев и выплату пособий персоналу. Заведение предназначалось для матерей, вдов и детей потерявших кормильцев в той войне.

Здание это, изначально рассчитанное на тридцать полноценных мест, спустя годы вмещало уже около сотни человек. В том числе инвалидов, слепых и увеченных. Хотя богадельня имела собственный капитал, но всё же недостаточный, чтобы на проценты содержать всех поселившихся здесь. Так как средства, что оставил купец Малахов, распределялись лишь на тридцать постояльцев, то расходы на остальных взяли на себя городские власти. А когда несколько именитых граждан города Л вызвались посодествовать в помощи заведению, муниципалитет сложил полномочия, предоставив сердобольным богачам заниматься благородным делом. Что правда, городское начальство не забывало дело это контролировать.

Внутри здание представляло две просторные залы, где, собственно, и помещались все страждущие и призреваемые. В одной стороне женщины и дети, в другой - мужчины. Для всех проживающих тут было довольно тесно, но не настолько, чтобы кто-то из них стремился покинуть заведение. Верхний этаж занят комнатами для персонала и небольшой кухней. Люди, что служили здесь: несколько сестёр милосер-

дия, доктор и кухарка, получали вполне достойное жалование и работали уже долгое время.

Несколько лет назад Сергей Фомич Бердяев стал выделять некоторые средства на благотворительность. От того ли, что грешки молодости стали отдаваться где-то в ноющем болю сердце или ещё по какой причине, только каждый месяц помещик самолично подписывал чек, предназначенный для Малаховской богадельни.

Дела имений Бердяевских шли более чем успешно, а тут, давний знакомый Петр Петрович Немилов, состоящий в распределительном совете горожан, что выделяют средства на призрение, порекомендовал заняться благотворительностью. Сергей Фомич долго не мудрствовал, посчитал дело вполне достойным. Он старался отделять себя от тех непристойных мужчин, что в ощущении излишества содержат женщин или играют. В пятьдесят пять он уже предпочёл делать что-то достойное уважения, так как всем остальным был давно пересыщен.

Когда Сергей Фомич средства отчислять стал, так и заинтересованность появилась, куда именно финансы поступают. С той поры раз или два в месяц по своей инициативе, а порой по просьбе Петра Петровича, заезжает Бердяев в Малаховскую богадельню, для сверки счетов. Хоть и было у Сергея Фомича некоторое сопротивление нищете и лохмотьям, всё же старался вопрос держать на контроле и от содействия

руководству не отлынивать.

А тут в конце ноября Петр Петрович написал из Швейцарии. Просил заехать в заведение, разобраться с жалобой некоей Синицыной Анны Михайловны, что навещает нищих и требует для них достойного содержания.

Экипаж Бердяева подъехал к крыльцу и несколько темных фигур, что бродили неподалёку, медленно двинулись в его направлении. Сергей Фомич в чёрной, подбитой котиком накидке, грузно прыгнул с подножки. Он поправил съехавший на бок картуз и сердито огляделся. Взгляд этот тут же остановил любопытствующих. Бердяев потоптался у ступенек, сосредоточено нахмутив брови, но как только массивная дверь отворилась, выражение его лица тут же смягчилось. На крыльцо вышла женщина средних лет с приятной внешностью, в сером платье из грубой шерсти и белом переднике. На голове замотан платок, так, что ни одна волосинка не могла выбиться наружу. На добродушном лице – улыбка.

Ольга Григорьевна Голубева – старшая сестра милосердия. Все дела, какие случаются в этом месте, проходят через её руки. За много лет служения она снискала славу человека, который заботится только о том, чтобы постояльцам богадельни жилось как можно лучше. Не раз Бердяев спорил с Голубевой по разным вопросам, она всегда стояла на своем, и трудно было убедить её в обратном. Она могла спорить с приезжим любого чина и звания, лишь бы интересы заведе-

ния были соблюдены. Возможно, именно благодаря Голубевой всё было именно так, а не хуже. Трудно убедить богатого и сытого человека в том, что картошку прислали сплошь с гнилью, а крупу с червяком. Тогда Ольга Григорьевна старалась наглядно показать благодетелям те закупки, которые им кажутся выгодными. Вот и теперь в преддверии зимних холодов даже посетители жалуются на стильные помещения, а что уж говорить о постояльцах.

- Сергей Фомич, каким ветром? - улыбнулась Голубева и протянула руку для приветствия, - Давненько ждём, чтобы к нам кто-то наведлся.

- Да вот, завернул. Давеча Петр Петрович прислал, по жалобе.

- Ах, это. Хорошо, что вы, а то с другими мне совсем не удаётся договориться. Всё никак не поймут, что зима на улице и отапливать скоро нечем будет. Дров-то, всего ничего, а на этот год нам ещё не выписали. С прошлого, что осталось, экономим, как можем, а несколько подопечных уже и слегли.

- Всё решим, - Сергей Фомич поежился от налетевшего порыва ветра и стал подниматься по лестнице, чтобы войти в здание и несколько обогреться.

Ольга Григорьевна распахнула дверь, в нос ударил тяжелый, спёртый воздух. В нём трудно было угадать что-то одно, скорее смесь разных, не слишком приятных ароматов. Сложно представить, чтобы в доме пахло так дурно. Но тут, это всякий раз удивляло Бердяева. К натуре Сергея Фомича

можно было причислить и чрезмерную брезгливость, от того и воздух в таком помещении казался ему отвратительным. Он понимал, столько нищих, больных людей не могут пахнуть хорошо и старался терпеть, прикладывал к носу надутый платок, дабы не показывать отвращения. Ольга Григорьевна замечала это, но в глазах её всегда читалось понимание.

Они прошли на второй этаж, в кабинет. Голубева сразу достала бумаги, отчёты и Бердяев принялся разглядывать цифры. Несколько минут потребовалось ему, чтобы понять, всё в порядке и, не мешкая, приступил, непосредственно, к делу, за которым приехал.

- Так что там, с этой жалобой?

- Да, вот, - Голубева протянула листок бумаги, - Анна Михайловна Синицына, написала в комиссию управляющую фондом, что в заведении холодно и люди болеют. Помещение недостаточно отапливается. Да вы и сами можете поговорить с ней, она как раз навещает свою подопечную. Пойдёмте, - и сестра милосердия открыла дверь кабинета, приглашая Бердяева проследовать за ней.

Обычно Сергей Фомич тщательно избегал встреч с обитателями богадельни. Если и видел кого, то только тех, что гуляли по парку. Да и то старался делать грозный вид, чтобы они и не думали приближаться. Но входить в помещения, туда, где они живут - это уж слишком. Он ни за какие коврижки не согласился бы на такое. А тут, прямо таки приходится

подчиняться, потому что некая помещица сидит сейчас там, куда Бердяев категорически не намерен заходить.

Стараясь не выказывать и тени малодушия, Сергей Фомич проследовал за Ольгой Григорьевной, словно провинившийся ребёнок, и стойко шагнул в открытую дверь общего помещения.

Гул множества голосов окутал со всех сторон. Тут было всё: и разговор, и плач, и бормотание, стон и храп, кашель и пение. Здесь кипела жизнь.

То, что открылось взгляду помещика, было хуже, чем он представлял. В тусклом свете, что едва пробивался в запылённые окна, он разглядел, что оказался в широком зале с высоким потолком. Всё свободное пространство было заставлено множеством деревянных нар, застланных дерюгами и тюфяками. Кругом сидели или лежали женщины с лицами землистого цвета. Казалось, будто Сергей Фомич попал в окружение серых женщин. На первый взгляд они были похожими друг на друга, с тем лишь отличием, что седые волосы некоторых выделяли их из общей массы. Несколько девочек разных возрастов, так же похожих на всех остальных.

Сергею Фомичу стало вдруг страшно в таком окружении, он посмотрел на окна, что почти упирались в потолок. Бердяеву показалось, будто он попал в место, в котором его сейчас закроют и оставят навсегда. Будто за какие-то давние прегрешения он наказан, и вина определена. Он заёрзал и закрутился, стал в испуге озиаться по сторонам, пытаясь

найти ближайший путь к отступлению, но сзади неумолимо следовала Ольга Григорьевна и не давала возможности повернуть. Пришлось идти вперёд.

Между рядами нар – проход. В конце – закрытые пологами койки, где, по всей вероятности, находились больные. Бердяеву пришлось пройти по проходу до самого конца, и когда он развернулся, чтобы с чистой совестью проследовать назад, то услышал совсем рядом, из-за одного из пологов слышался женский голос.

- Ты не умрёшь, - ласково уговаривал он, - Ты просто станешь ангелом и попадёшь в красивый сад, туда, где такие же, как ты - светлые ангелы. Там хорошо. Не бойся.

- Спасибо, милая, - слышался в ответ слабый старушечий голос, - Жаль, вот только Гаврюшу моего непутёвого не дождалась. Не простилась. Как он теперь без меня?

- Ты не думай. Не тревожь душу.

- Ты, Аннушка, вот что, должна человека встретить. Полюбить его всем сердцем. Запомни только одно, люби того - кто тебя любит, а на других не разменивайся. Того люби, для кого ты – самое главное в жизни.

Разговор стих, и через мгновение Бердяев услышал тяжёлый вздох.

Сергей Фомич не мог двинуться с места. Он стоял как вкопанный, совсем забыл, зачем пришел.

Но вот, белый полог откинулся, показалась девушка в глухом платье, с волосами, плотно зачёсанными назад. Ми-

лое лицо её было грустным, выражение глаз страдальческим. Она скользнула по Бердяеву взглядом и остановила его на Ольге Григорьевне, подбородок дрогнул. Потом девушка опустила наполняющиеся слезами глаза и прошла мимо помещика, словно его и нет. Стройная её фигура скрылась за дверью.

За пологом, на койке, Бердяев увидел сухонькую старушку с впавшими глазницами и обострившимся носом. Сестра милосердия поспешила задержать полог.

Сергей Фомич не помнит, как уходил, сел в коляску и ехал домой. Он помнит только голос и девушку. Тот момент, когда она вышла, глянула сквозь него. А главное – её слова об ангелах. Такие ласковые.

В тот день он понял, что кто-то умер, но что-то родилось.

Глава 2

В пятьдесят пять внешность Сергея Фомича отличалась от других большой представительностью и некоторой вальяжностью. При не слишком высоком росте, он ступал настолько величаво, что в любых местах его сразу принимали за очень важную персону. И хоть на самом деле так и было, но чаще получалось, именно Бердяеву, прежде всего, оказывалось повышенное внимание.

Происходило это потому, что от обилия вкусной и не всегда здоровой пищи фигура Бердяева несколько расширилась. Любовь к хорошей еде воспитывалась с детства и неко-

торой полноте своей Сергей Фомич совсем не огорчился. В напитках осторожен, так как наследственность не слишком хорошо отразилась на некоторых важных функциях организма, то и употреблять крепкое старался в дозах размеренных. Хотя, изредка всё же позволял себе слегка расслабиться.

В итоге, всё, что у других людей к пятидесяти, складывалось в морщинки, у Бердяева натягивалось и лоснилось. Впрочем, на внешность его это не влияло отрицательно, скорее наоборот, придавало привлекательности и позволяло сохранять моложавый вид, в отличие от более стройных ровесников.

Сергей Фомич в одежде очень опрятен. Хоть и провинциальный помещик, но щегольства не чурался. Выписывал из столицы лучшие материалы, старался в таком вопросе не экономить. Портных тоже приглашал тех, что проявляли исключительные знания. В общем, Сергей Фомич обладал наружностью вполне приятной. А для противоположного пола даже притягательной.

Восемь лет назад Бердяев овдовел. С той поры, каких только невест ему не сватали. Причём, некоторые свахи ещё во время траура своё дело слепить пытались. Но после многолетнего брака Сергей Фомич связывать себя узами нового никак не торопился. Да, что там, даже слово себе дал, никогда больше в эту реку не вступать. Намучился больно со сварливой супругой. Характер был у неё прескверный, что выяснилось только после свадьбы. Так как детей Бог не дал

Бердяевым, мучилась Ольга Семёновна страшной ревностью к мужу, и не всегда беспочвенно. А Сергей Фомич порой и не пытался оправдываться, что толку, если по поводу и без оного ему скандал заводили. Так лучше пусть за дело, а не вхолостую. Так, вся на нервах, довела себя Ольга Семёновна до страшного срыва, а там и удар случился. Не спасли.

С тех пор Сергей Фомич ведёт размеренный образ жизни. Старается ничем не тревожиться и не страдать. Следит за здоровьем, как бы чего не подвело, только вот со слабостью к еде совладать не может.

После визита в богадельню Сергей Фомич приехал домой под странным впечатлением. Что-то его тревожило и не давало покоя. Он не мог понять, почему так отпечаталась в сознании вся эта сцена со старушкой. Сергей Фомич был явно чем-то обеспокоен, но не мог понять - чем. Копошился в памяти, но неизменно возвращался к тому же - девушка, что откинула полог, смерть старушки и слова, которые она сказала, засели в голове у Бердяева.

Он пытался понять, кто она - эта девушка. Потом вспомнил, о чем говорила Голубева. По всей видимости, это и была Анна Михайловна Синицына. Бердяев попытался припомнить хоть что-то об этой фамилии, но на ум так ничего и не пришло.

За этой большой задумчивостью и застал его давний друг и сосед, Афанасий Петрович Чамкин.

- Вижу, вижу, большие думы думаете, Сергей Фомич, очень большие.

- А, дорогой друг, приветствую, - откликнулся Бердяев.

- А что, позвольте полюбопытствовать, заставило вас так задуматься? Ведь не далее как на прошлой неделе вы хорошие барыши за свои урожаи получили, и должны радоваться, а не грустить.

- Да, тут вы правы, - я и не грущу вовсе, так задумался на минуту.

- Знаю, знаю я ваши задумки. Они мне как никому другому известны.

Много лет продолжается задушевное знакомство помещиков. И как показал опыт, мало что имеет силу дружелюбие это разрушить. Бердяев и Чамкин много чего пережили, и ругались, бывало, потом бурно мирились, казалось, нет такой причины, какая может расторгнуть их дружеские узы.

Афанасий Петрович частенько заезжал к товарищу, перекинуться новостями, да пропустить стопочку-другую. Часто засиживался у Бердяева, до поздней ночи. К большому неудовольствию супружницы, Марфы Семёновны Чамкиной. Но ничто не могло помешать общению друзей, да ещё и под чарочку с закусочкой, ни праведный гнев второй половины Чамкина, ни тяжесть в животе после обильных трапез у Бердяева.

От наружности Сергея Фомича, наружность Афанасия Петровича разительно отличалась. В пятьдесят он выгля-

дел, как семидесятилетний старик, с множеством обаятельных складочек на улыбчивом лице. Тщедушная его фигурка сильно уступала внушительным размерам Бердяева и казалась фигурой подростка, если глянуть издалека. Но в одежде помещика всегда присутствовало щёгольство и лоск. Он не отказывал себе в городских новинках и так же, как Бердяев, любил не только хорошо одеться, но обвесится всяческими золотыми украшениями, будь то цепочки в палец или массивные перстни с агатами.

Закадычная дружба помещиков началась много лет назад и хранила множество мелких секретов. Афанасий Петрович был весьма полезен Бердяеву во многих вопросах имения и капиталов. Когда-то Чамкин состоял на государственной службе и довольно много знал о всяческих уловках с налогами и платежами. Интерес этот он поддерживал в самой свежести. Знал законы и указы, какие вот-вот появятся, собираются, а он уж и располагает знанием. Дельные советы его не в пустую были сказаны и очень пригождались друзьям и соседям, с кем Чамкин дружбу водил. Многие к нему советоваться приезжали. Но большей частью он сам наведывался, чтобы, как говорится, законным гостем.

С возрастом Афанасий Петрович заимел тягу к горячительным напиткам. Но так как у себя в имении этот вопрос решался исключительно через супругу, а она позволяла насладиться хоть каким-то напитком лишь к праздникам, то желание глотнуть чего-то крепкого часто заводило Чамкина

к кому-то из соседей. Впрочем, никто из них на это не жаловался, так как Афанасий Петрович был интересным собеседником в любом из своих обычных и необычных состояний.

К Бердяеву он заезжал чаще, чем к остальным. Оттого и отношения их намного более приятельские. Тут дружба поглубже. Возможно, ещё и оттого, что при отсутствии у Бердяева супруги, некому было блюсти его моральный облик во время посещения приятеля. Плюс то, что всякий раз у Сергея Фомича, без особых приготовлений графинчик выносили. Да и прийти Чамкин мог запросто в любое время, никто слова не скажет поперёк. Вот и теперь, как всегда, без особых приглашений Афанасий Петрович, по-свойски заглянул в гостиную к Бердяеву. Слуги давно знали - о Чамкине можно не докладывать.

- Что же вам известно о них? О задумках моих? - улыбнулся Бердяев, - а вот ни за что не догадаетесь, о чем я сейчас, вот только, до вашего прихода задумался. Ни за что.

- Да как же – верно, о женщине. У вас и по лицу прямо всё так и написано.

- Вы, Афанасий Петрович, верно, прорицатель. Как есть, прорицатель. Ведь точно поняли. Про женщину думал.

- А? Как? Говорил? Говорил я?

- Теперь, вижу, говорили. Но как вы умудряетесь так точно мысли мои разгадывать?

Чамкин принял важный вид и собирался сказать что-то умное, но Бердяев его перебил.

- Ведь и верно я про женщину задумался.

- А это потому я догадался, что на лицо ваше внимательно сразу, как вошел, посмотрел. И что же я увидел?

- Что?

- Приятность.

- Приятность? – удивился Бердяев.

- Именно.

- Но приятность может возникнуть на лице и по любому другому вопросу. Например, если я представлю запеченного в яблоках рябчика, на лице у меня обыкновенно может появиться определённая приятность.

Когда Бердяев заговорил о рябчике, Афанасий Петрович беспокойно закрутил головой, и друг его понял, что пора бы и угощение представить.

- Дарья, - позвал он, чуть отклонив голову и заглядывая в приоткрытую дверь.

На крик тут же отозвались откуда-то из глубины, и приятели слышали женский голос:

- Иду, иду.

За голосом и Дарья показалась, крупная, розовощёкая девка в расписном сарафане. Она держала в руках поднос с закусками и хрустальным графинчиком, наполненным слегка мутноватой жидкостью. Афанасий Петрович тут же потянулся к графинчику и быстро налил две хрустальные рюмки. Друзья чокнулись и выпили.

- Именно! – воскликнул Чамкин, - вы сами ответили, -

определённая!

- Но какая разница?

- Огромная, мой друг, разница!

- Ну, хорошо, пусть вы правы. Отдаюсь и не буду спорить, ведь всё одно переспорите.

- Правильно делаете. Так откройте, что вы думали? Иначе весь вечер не дам покою. Так вы меня ввели в заинтересованность. Спать теперь не смогу, пока не узнаю, в чём мысли ваши заключаются.

Сергей Фомич снисходительно улыбнулся и спросил:

- А что вы знаете про помещика Синицына?

- Ааа. Вон, вы куда закинули? Так много чего. Богат, скажут, не жадный. Крестьян своих не обижает, податями не давит, все, почитай, за руку с ним здороваются. Уважают. А живёт сам наследством, что от Прокопа Ильича осталось. Да и между дочками его то наследство поделено. Каждая получает после свадьбы хороший кусок. Младшая-то ещё, когда, дай бог памяти, замуж выскочила. Да уж лет пять как будет. А старшая, при отце, значится, старой, вроде как, девой. Все по крестьянам разъезжает. Кому на лекарство, кому на жизнь помогает. Больно она, на монашенку, какую похожа. А вы никак, Сергей Фомич, пригляделись-то к девице? Ась. Точно пригляделись, - Чамкин хитро погрозил пальцем.

Бердяев молчал.

- Говорю, точно, чтоб мне лопнуть, - Чамкин налил рюмку, - так вы, что же, на Анну Михайловну глаз положили?

- С этой стороны я вопрос не обдумывал, пока.

- Так, а чего, я вам дело, хоть завтра состряпаю, - Афанасий Петрович цокнул рюмку о рюмку друга и выпил.

Бердяев тоже выпил, поддел вилкой кусок буженины и послал его в рот, пожевал и спросил:

- Так скоро?

- А куда тянуть? Нам с вами, сами знаете, дорога давно заказана, - Чамкин скрестил руки на груди, - а ведь пожить-то ещё хочется, и не абы как. Верно? Так зачем в удовольствиях, может стать последних, себе отказывать? Говорите сейчас, думали об этом?

- Думал, - признался Бердяев.

- Ну, вот, считайте завтра всё дело, будет слажено. А то как, вы меня знаете, я голословно никогда ничего не скажу.

Так сидели друзья до самого позднего вечера. А когда Афанасий Петрович укатил в своё имение, крепко задумался Бердяев.

А может, и правда жениться?

Глава 2..

Ранним декабрьским утром Анна Синицына стояла у окна и любовалась садом, что за ночь плотно окутал снег. Дивная белизна его почти ослепляла, в лучах утреннего солнца искрилась множеством радужных отблесков. С конца ноября, каждое утро, прежде чем спуститься к завтраку Анна подходила к окну и смотрела на снег, но именно сегодня белизна его стала символом нового, неизведанного начала.

Разрозненные мысли Анны вновь и вновь возвращались в гостиную, где вчера вечером прозвучали слова, которых она давно уже не ждала.

Замужество. Жених. Приданое.

Анна находилась в той поре своей жизни, когда в обществе за глаза начинают называть перезрелой ягодой или ещё как-то, намекая на возраст и навсегда утерянную возможность замужества. От того ли, что внешность девушки была не слишком привлекательной, а может, ещё по какой причине, только все ровесницы в окружении Анны рано или поздно выходили замуж, а она так и сидела в имении с отцом.

Даже младшая сестра Сонечка, в семнадцать выскочила за местного повесу и укатила с ним Петербург.

В двадцать восемь все иллюзии Анны касаясь вопроса замужества давно рассеялись, она не ждала никаких перемен

в спокойной, устоявшейся жизни. Просто оставила надежду, что когда-то и у неё будет семья. В какой-то момент она успокоилась и смирилась. Решила, что предназначение, с каким она пришла в этот мир, совсем не то, что у остальных. Когда Анна сделала такое заключение, жить стало легче и спокойнее. Пустые разговоры о замужестве уже не трогали. Пришла уверенность в том, что предназначение её в миссии более важной.

Она помогала отцу с бухгалтерией и делами поместья. Занималась благотворительностью. Считала, что не всякий человек обязан служить тому, что предначертано и логично, а некоторые должны принимать решения не только для себя, но и для тех, кто некое решение не в состоянии принять. Ведь если создатель в отведённое природой время не дал ей мужа и детей, значит, она нужна для чего-то более важного. И Анна прониклась этими мыслями настолько глубоко, даже стала верить в это больше, чем в какое-либо другое своё будущее.

Но иногда, в сознании, всё же просыпалось безудержное желание – жить, как все, и быть, как все. Хотелось семью, мужа, детей, любви и счастья. Тихого, простого. И тогда она ясно понимала, что любой достойный человек, кто попросит её руки, получит утвердительный ответ. Она полюбит его. Отдаст всю себя. Положит свою жизнь рядом с его жизнью. Станет его частичкой. Анна тихо ждала, но годы проходили, а такой человек всё не появлялся, и оставалось не слишком

часто к мыслям таким возвращаться.

И вот, именно теперь, когда двери души почти закрылись для надежд и мечтаний, когда пламя в сердце совсем угасло, а мысли привычно двигались в другом направлении, Анна услышала то, чего никогда уже не надеялась услышать.

Сергей Фомич Бердяев, помещик, что живёт в нескольких верстах к югу от имения Синицыных, попросил у Михаила Прокофьевича, отца Анны, её руки. Тот долго не думал, посчитал соискателя вполне достойным и с легким сердцем дал согласие на брак.

Глава 4

Когда сын состоятельного помещика – Михаил Синицын, повстречал Авдотью Смычкову - влюбился в неё до беспамятства.

Она - дочь учителя, Савелия Смычкова, что преподавал Михаилу точные науки. Авдотья жила с отцом тут же, в имении, так как сызмальства лишена была матери. Много лет назад ушла жена Смычкова в загульную, с той поры никто и никогда не слышал о ней. Вот Смычков и поселялся с дочерью там, где на работу нанимался. Хозяева чаще не возражали, девочку жалели.

Прокофий Ильич Синицын сыну Михаилу лучших учителей нанимал. Так Смычкова, по рекомендации соседа, прямо из Петербурга, можно сказать, с выгодного места переманил. Посулил ему в два раза больше жалованья. Тот и не смог от-

казаться.

А как за службу принялся, сначала дочку никто в имении не видал. Жили они в отдельном флигельке, где слуги проживали. Там Авдотья большей частью находилась, так что хозяевам на глаза и не показывалась.

Но как-то раз летним утром забрела девушка в хозяйский парк, да на лавку присела книгу почитать, а там недалеко Михаил проходил, в юношеской задумчивости. Ему тогда только семнадцать минуло. Увидал девицу, что на скамеечке книгу читает, спрятался за дерево и наблюдал за ней тайно. С той поры часто туда приходил, глядел. По робости своей подойти, заговорить не решался. Повыспрашивал у слуг осторожно, узнал, кто такая. Но однажды, будто невзначай, пошел по той аллее, что к лавочке вела, так и познакомиться пришлось. А потом были и ещё встречи. Трогательные, наивные. Разговоры трепетные, возвышенные. И до того Михаил полюбил девушку, что просто не мыслил жизни без общения с ней.

А немного погодя бросился к отцу в ноги и со слезами на глазах молил благословить на брак с этой девушкой. Прокофий Ильич и сам замечал, что не всё спокойно в сердце сына, а девица эта показалась вполне благовоспитанной. Да и учитель тоже не простых кровей оказался, внук разорившегося дворянина, а значит, невестка хоть и без приданого, но всё же с титулом.

За невестиными деньгами Прокофий Ильич не тревожил-

ся, сам богат безмерно, а хорошую невестку, как он знал, днём с огнём ищи, не сыщешь. Тем более, что жизнь помещицкую прочил он для сына. То есть, о невестке, да о финансах её, сильно перед обществом отчитываться не собирался. Поэтому недолго раздумывал, дал на брак сына с Авдотьей своё родительское благословение.

Радовался Прокофий Ильич хорошей невестке, что полюбил как дочь и счастьем сына тешился. А как родила Авдотья дочку Аннушку, то и совсем растаял дед от своей дедовской любви. Всё для невестки, что пожелает, готов отдать. Да на внуку нарадоваться не мог, так уж любил, что и сказать трудно.

Но со временем стало понятно, невестка больно здоровьем слаба. Было ещё две беременности, но неудачные, всё Авдотья сбрасывала. И уже почти отчаялись отец и сын наследника получить, но через шесть лет снова невестка понесла. Тяжело ходила, но всё же родила девочку – Софью. После этих родов здоровье Авдотьи совсем пошатнулось. Всё чахоткой мучилась, да вскоре после рождения Сонечки и умерла.

Горевали долго. Михаил в себе горе держал, не расплёскивал. На дочерей надышаться не мог, так девочки на Авдотью похожи. Савелий Иванович – отец Авдотьин, уехал в Петербург, в работу, как в омут с головой, кинулся. А Прокофий Ильич так горевал, что и пить стал без меры. И до

того, слабое сердце его, вскоре не выдержало обильного количества горячительного питья. Вслед за женой похоронил Михаил и отца.

После похорон Прокофия Ильича откуда-то с дальней губернии приехала тетка по отцовской линии, мещанка Лукерья Зацепулина, сказала - в помощь, в воспитании детей. И так она всё хозяйство под себя подобрала, что не успел Михаил и глазом моргнуть, как слуги его только Лукерью и слушались. Но ему не до того было. Даже благодарен, что кто-то хозяйством занимается. Так как у него самого руки не поднимались до дел касаться. Пребывал он тогда в каком-то трансе.

Не осмыслил Михаил и даже не заметил, как познакомила его Лукерья с разбитной мещанкой Екатериной Шаталкиной. Не успел опомниться, женился на ней, и взяла она его в свои цепкие руки. Да держала так, что через полгода дом превратился в пристанище каких-то родственников и друзей. Не заметил Михаил, как ввязался в постоянные празднества и попойки с новыми родственниками. И вроде жизнь потекла весёлая, люди кругом и поддержка есть.

А в какой-то момент, будто бы само собой разумевшееся дело, по настоянию жены, отправил дочь Анечку в пансион. Документы подписал на полное её содержание до двадцати лет, без права расторжения договора.

Слеп он был или глух, когда наследство его таяло на глазах. Оплачивал Михаил счета безмерные, не глядя. Екатери-

на - жена, пользовалась этим, как могла. Хорошо еще, что дед, до смерти своей скоропостижной, позаботился о наследстве для внучек, отписав каждой по четверти миллиона рублей. Ни Михаил, ни жена его не могли этих денег касаться, тем более, распоряжаться. А то бы и эти деньги пошли в оплату праздников, да на содержание многочисленных родственников Екатерины.

Точно замороженный, следовал Михаил указаниям жены. Но, как и всё на свете имеет свой конец, настало время, вдруг, как пелена спала с глаз помещика. Произошло это, когда на кону встал вопрос, об определении в пансион младшей дочери - Сонечки. Вот тогда взбунтовался помещик Михаил Синицын и осознал, вдруг, каких делов наделал. Анну вернуть нет возможности, а тут ещё и Софью хотят от него забрать. Не бывать этому.

К тому времени оставались ещё какие-то деньги у Михаила в акциях, да недвижимым имуществом, а счета его рублёвые все по векселям оплачены. Встрепенулся Михаил и тетку и жену с порога прогнал. А она к тому времени уже крутила романы не с одним, а сразу двумя любовниками. Не слишком-то Екатерина и расстраивалась, сказала Михаилу, что только за деньгами она за него пошла. Собрала, что было, да укатила за границу с молодым повесой.

Когда остался Михаил один с Сонечкой, понял, как жестоко ошибся. Как несправедливо обманут был и унижен. Бросился искать адвокатов, чтобы Анну из пансиона забрать на

домашнее воспитание. Да поздно. Не помогли ни связи, ни деньги. Против своего же договора не сумел постоять.

Глава 5

В первые дни, в пансионе, восьмилетняя Аня сильно тосковала. Если и была в чём самая большая тоска, то в том, что разлучили с Сонечкой. Очень любила Аня сестру, считай, из рук не выпускала. Всегда вместе. Тем более, когда матушка померла. Сначала плакала Аня, по сестре, да по матери. Шли недели, месяцы и грусть-тоска стала неизменным состоянием девочки. Сначала казалось, тут в пансионе, она временно, так говорили мачеха и отец. Она ждала. Думала, однажды кто-то придет и заберёт домой, к Сонечке.

Но время шло, а никто не приходил. Потом, в одно из посещений, отец уговаривал приникшую к груди дочь, что нужно подождать ещё немного, он сделает все, чтобы они были вместе и никогда не расставались. Но прошло время, а ничего не поменялось. Аня ждала, надеялась. И очень тосковала по дому.

В какой-то момент она перестала жаловаться. Поняла - это совершенно бесполезно. Чем больше она жалуется, тем больнее отцу от того, что он ничего не может изменить. И она перестала. Когда слезами уже нельзя было что-то исправить, она радовалась приездам отца. Не таила в сердце обиды. И не спрашивала, чем она могла помешать там, в таком большом доме. Просто не догадывалась о том, что стала по-

мехой. Даже когда подруги говорили, раз она в пансионе, это значит, кому-то не угодна - не верила. Она слишком любила отца и не допускала мысли, что он мог избавиться от неё.

Но печальные глаза отца говорили об обратном. Он смотрел так, будто в чём-то виноват, но не мог исправить этой вины. Он старался не говорить про это, а она не спрашивала. Отец пытался шутить, подбадривал, но у самого в глазах была невыразимая тоска.

Прошло несколько лет, прежде чем Анна до конца осознала, что не выйдет из пансиона, пока не закончит его. И тогда она поняла, нужно смириться и не ждать. Принимать всё как есть. И просто жить до того дня, когда ей исполнится двадцать. И решила она терпеть. Ещё тогда, в терзаниях отроческих постигла она всю науку долготерпения. Поняла, что не так бывает, как хочется. Искала хорошее в буднях, не слишком задумывалась о будущем. Смирилась. Стало легче жить и терпеть.

В пребывании в пансионе она даже находила пользу. Научилась получать удовольствие от уроков и правил, подчиняться и не ждать перемен. Так легче. Реже приходило воспоминание о доме, о сестре. Под напором дней прошлое становилось бледным. Аня жила теперь по-другому. Будто забыла то, что делала раньше. И уже даже редкие визиты отца не вызывали былых чувств.

В конце концов, те, кого она хотела любить больше, от-

далились, а на их место пришли новые люди, что окружали каждый день. Именно они казались теперь родными и близкими. К ним она привязывалась и тянулась. Несколько подруг и пара наставниц стали теми людьми, что заменили всех: мать, отца, сестру. Анна углублялась в другие интересы, осваивала науки скрупулезно, насколько позволял её простой, девичий ум. Она старалась достигать совершенства в том, чему её учили.

В синем платье пансионерки, с туго заплетённой косой, бледная и очень худая, Анна выглядела нездоровой и слабой, но такое впечатление оставалось лишь до того момента, пока она не скажет несколько фраз. И тут можно было понять глубину ума и благородство мысли.

Возможно, строгое воспитание, спартанские условия, или что-то внутри самой Анны повернуло её характер в сторону совершенно неожиданную. Это обстоятельство удивляло и озадачивало окружающих. Из простой, вполне своенравной девочки из богатого дома, она превратилась в создание благочестивое, порой даже смиренное. Хотя, со временем всякий понимал, что не так проста она и покладиста, ведь в случае несправедливости готова была встать на защиту того, чьи интересы попраны.

Она заступалась за тех, кто младше, кого обижают, считают некрасивым, бедным или убогим. Она отдавала все, что привозил отец, тем девочкам, чьи родители не могли позволить себе даже приехать навестить. Она оберегала тех, кто

был обижен и порой, ценой собственного спокойствия и безопасности осуждала тех, кто обижал. Кто-то любил её, уважал, кто-то завидовал, но были и те, кто ненавидел.

Сколько раз приходилось ей страдать от старших воспитанниц. Но Анна никогда не жаловалась. Она молчала и прощала. Знала - им тоже нелегко. Оправдывала, не держала зла, а только помогала. Именно тогда, в отрочестве, совершенная добродетель, сделалась основной чертой Анны.

Пока, суть да дело, прошло двенадцать лет. За это время много полезных наук усвоилось. Два языка - французский и немецкий, литература, письмо. Музицировать и рукоделию научилась. Экономiku домашнего хозяйствования прошла. Немного точных наук и географию. Ну, и, конечно, как полагается благородным леди, светский этикет и танцы.

Когда время пришло выпускаться, Анна вернулась домой с полным арсеналом образованной, светской барышни.

Характер Анны за годы пансиона преобразился не на много. Задумчивость её сменялась добродушной весёлостью. Ласковость и мягкость граничила с твёрдостью и настойчивым упрямством. На первый взгляд ранимая, в некоторых ситуациях оказывалась стойкой и непреклонной. Совершенно ни в чём никогда не перечила, но и не подчинялась слепо. Речи Анны, наполненные справедливой рассудительностью. Она как будто извиняла всех и за всё. В её нраве не было ничего, что можно назвать плохим или отталкивающим, но

масса того, что притягивало. Она чиста и понятна. Казалось, вот истинно идеальный нрав женщины. Но так мог сказать только мужчина.

Ведь бесконечное всепрощение многих раздражало. В окружении Анны находились те, кто не верил в истинную её добродетель и подозревал в лицемерии и двуличии. Впрочем, таких людей было не много.

Своеобразие внешности Анны выдавало скромность и сдержанность натуры. После пансиона она выглядела совсем не броско. Несколько простых платьев неприхотливого кроя составляли весь гардероб. Она не стремилась разнообразить его, от того, что ей не казалось важным какое-либо украшательство. Тщательно причёсанные волосы в идеальном порядке. Маленькие тонкие пальцы всегда цепко держали томик Байрона или Шекспира. Книга была вечным спутником Анны.

Что же касается черт её лица, темные, чуть с прищуром глаза, слегка выдающийся с горбинкой нос, тонкие губы и выражение одухотворённости. Всё без какого-либо намёка на красоту, делало её лицо интересным для рассматривания. Каждый раз неповторимое. Оно менялось с поворотом головы и человек, что захочет его рассмотреть, не сможет понять, какое на самом деле это лицо. Красивое или нет. Та глубина, что сквозила в каждом движении, была завораживающей, порой настолько, что любой, кто попадал под это гипнотическое рассматривание Анны, не мог понять, почему невоз-

можно оторвать взгляда. Ничего выдающегося, но так притягательно. Наружность Анны походила скорее на монашескую. Так же её можно было принять за гувернантку, либо компаньонку, но никак не за наследницу четверть миллионного состояния.

В то время на руку Анны появилось несколько кандидатов, но отец, из самых добрых побуждений отказал каждому из них, углядев в их порывах не только трепетное отношение, но и плохо замаскированную корысть.

Тогда ещё Анна могла обзавестись семьёй. Но в те времена Михаил Прокофьевич с повышенным вниманием пытался оберегать неискушенную душу дочери от опасностей внешнего мира. Она казалась доверчивой и незащитной. Именно от этого отец не верил в искренность женихов. Именно от этого стремился беречь Анну и остерегать. И не допускал даже, чтобы кто-то из соискателей, как ему казалось, приданого, возможно, был бы при всём притом хорошим для дочери мужем. Отец видел в них только жажду наживы и ничего больше.

Сначала Михаил Прокофьевич просто ограждал от такого рода опасностей дочь, но потом, видно, позабыл совсем, что таким образом Анна и вовсе может остаться не у дел.

Так и вышло. Молва несла далеко вести о непримиримости отца с возможным счастьем дочери.

Глава 3..

Когда Аню увезли в пансион, Сонечке только исполнилась два года. Очень быстро, буквально за пару месяцев, девочка уже не вспоминала о сестре. Она была слишком мала, чтобы запомнить тех, кто был с ней в то время. И даже, когда отец говорил про Аню, Сонечка не могла представить её образ. Чуть повзрослев, привыкла к мысли, что имеется сестра, но фактически от этого понимания ничего не испытывала. Только детскую заинтересованность. Отрывки из памяти лишь иногда показывали лицо девочки, что когда-то держала её на руках, но не чётко, размыто. А маленький портрет, который порой разглядывал отец, чаще раздражал её. Если есть сестра, отчего она не приходит? Сонечка не понимала объяснений и оправданий отца. Она была слишком мала.

Мачеха казалась Сонечке самой красивой женщиной на свете. Яркая и напoмаженная Екатерина, разодетая в шелка и кружево. Весёлая, праздничная, чуть не всегда танцующая. Она порхала, словно бабочка, и казалась маленькой Соне прекрасной принцессой. Девочка тянулась к ней, считала своей матерью, хотя та никогда не проявляла никакой заботы. Несмотря на холодное отношение мачехи, Сонечка, как-то по-особому её любила, сизмальства старалась во всём на неё походить. В одежде, в манерах и даже интонацию пыталась копировать.

Воспитанием девочки занималась француженка, нанятая мачехой, скорее для того чтобы малышка не путалась под ногами. Но Сонечка всё равно мешалась и надоедала. Лишь только приезжали гости, она неслась встречать, бегала, радовалась и снова раздражала Екатерину. Малышка смотрела на роскошно одетых женщин и всячески старалась быть там, среди них. Шум гостиной привлекал её даже больше сладостей и игрушек. Полный дом людей, музыка, танцы, - вот что манило Сонечку. Она носилась по гостиной вечерами, трогала платья и волосы дам, кричала и танцевала, старалась привлечь к себе как можно больше внимания, и это не слишком нравилось гостям. Сонечка приставала к мачехе с детскими просьбами, чем неизменно выводила её из терпения.

Екатерина не была так уж сильно строга, возможно, от того чтобы не раздражать отца, остро реагирующего на замечания, сделанные дочери, но всякий раз сдержанно приказывала француженке увести девочку. Лицо мачехи всегда при этом выражало натянутую приятность. Сонечку уводили, к большому её неудовольствию. Она начинала кричать и плакать. Падала на пол, била ногами. После нескольких таких истерик мачеха перестала отправлять девочку и терпела, как могла, детские, не всегда приличные выходки.

Но однажды всё прекратилось. Исчезло. Тогда Сонечке было около восьми лет. Как-то утром она проснулась и странная, пустая тишина поразила слух. Девочка встала с кровати и выбежала в холл, перегнулась через перила лест-

ницы и прислушалась. Стояла тишина. Босиком спустилась вниз, в гостиную – пусто. В столовой - так же. Поднялась и подошла к кабинету. Сонечка толкнула чуть приоткрытую дверь и увидела отца. Он стоял у окна, скрестив на груди руки. Девочка вошла, и он обернулся. Посмотрел невидящим взглядом, какого Сонечка не знала ещё или не помнила. В глазах его горечь, невероятная грусть.

Но в следующий момент он улыбнулся, раскрыл руки для объятий и приблизился к дочери.

- А где все? Где мама? – Сонечка прижалась лицом к отцовской груди.

- Уехала. И все уехали.

- Но почему они не взяли меня? – слёзы стали набегать на глаза девочки.

- Потому что они больше сюда не вернутся.

- Ты их прогнал? – девочка вдруг отпряла от отца, - Это ты! Ты прогнал их!

Отец вдруг посмотрел строгим взглядом, хотел сказать что-то, но одумался и не стал. Он отошел к окну и снова сложил руки на груди.

Соня не понималась:

- Я хочу поехать с ними, хочу с мамой. Я сейчас же поеду туда, где они.

- Ты никуда не поедешь, - тихо сказал отец.

Сонечка понимала, что сделать ничего не может и от бес-

силлия стала топтать ногами.

- Я ненавижу тебя, ненавижу. Это ты виноват, - она выскочила из кабинета и кинулась в свою комнату.

Там она подбежала к шкафу и стала выкидывать вещи. Открывала новые шкафчики, выбрасывала всё, что там есть. Сонечка пришла в состояние ярости, её трясло от громких всхлипываний. Но вдруг что-то упало, звон стекла остановил резкие движения. Она глянула на пол и увидела маленький портрет. Подняла его. С латунного овала на девочку смотрело родное лицо. Это был портрет матери. Сонечка села на пол среди вещей и заплакала.

К четырнадцати годам Сонечка многое повторяла из поведения мачехи. Импульсивная, резкая, капризная до истерик, она ни с кем не церемонилась: ни с отцом, ни, тем более, со слугами. Пронзительный голос её часто эхом разлетался по дому. Горничные хитро переглядывались, услышав крики молодой хозяйки, жалели тех слуг, кому сегодня не повезло прислуживать барышне.

В краю угла интересов Сонечки в то время стояла её собственная внешность. Очень много времени она проводила возле зеркала. Иногда искала в отражении сходство с портретом матери. Но так хотелось хоть чуть-чуть быть похожей на мачеху. Природу не обманешь, а темные тугие пряди невозможно поменять на русые. Традиционный, с горбинкой нос, какой от Авдотьи достался обеим дочерям, трудно сравнить

с точёным носиком Екатерины.

Сонечка переживала тот страдальческий период, что проживает каждая девушка в четырнадцать лет. Неудовлетворённость собственной внешностью отражалась на окружающих. Она замучивала горничных с причёсками и нарядами, кидала и топтала все, что не нравилось, а потом снова требовала привести в порядок. Сонечку было трудно понять, переменчивость её доходила до того, что горничным доводилось по много раз приносить и уносить вещи. Чистить их, гладить или даже повторно стирать.

Но одно обстоятельство в характере Сонечки было понятным почти сразу. Любой мог угадать в ней создание довольно слабое, недееспособное. По сути, она не умела ничего сделать без посторонней помощи. Настолько зависима от других, что стоило служанке отлучиться, и это уже было сравнимо с катастрофой. Сонечка не могла ни раздеться, ни одеться сама, ни даже умыться. Она вечно жаловалась и кричала. По любому поводу. Это было настолько утомительно, что драгоценные минуты тишины ценились в доме, как дар.

Больше всех доставалось Михаилу Ильичу. Он слишком много потакал капризам маленькой Сонечки, а когда она подросла, с сожалением понял, какую ошибку совершил. Назад уже не было пути, теперь он хотел только лишь одного – покоя. Но покой не приходил и в ближайшем будущем, не ожидался.

От слепой любви и постоянного чувства вины за старшую

дочь, он стремился дать младшей всё, что она хотела. Но тем наносил непоправимый вред и ей и себе самому. Что говорить, Михаил Ильич осознал это слишком поздно. Когда он навещал Анну в пансионе, с удивлением замечал, насколько велика разница между дочерьми. Он, конечно, страдал. Осознание того, что одну дочь он так жестоко отлучил от себя и от дома, а вторую испортил, отравляло его существование. Как ни старался Михаил Ильич всё исправить, но и в том, и в другом случае попытки его оказались слишком запоздалыми.

Именно в тот день, когда он вернулся из дальней поездки, и в дом за ним зашла девушка в сером платье и черной шляпке, жизнь в усадьбе как будто сразу стала меняться. Каждый, кто тогда находился в доме, словно задышал по-новому. Приезд Анны можно было сравнить с целительным бальзамом для долго не заживающей раны. С самых первых дней дом будто вернулся в те времена любви и благополучия, какие были при Илье Прокофьевиче и Авдотье, когда только взаимопонимание царило здесь.

Встреча сестёр не была бурной. Анна подошла к Сонечке, обняла её и долго не выпускала из объятий. Потом онаглянула в её в лицо, положила руки на щёки Сонечки и произнесла:

- Милая моя. Хорошая моя.

Каково же было удивление, когда вместо послушной и ласковой маленькой девочки, когда-то обвивающей ручками

шею Анны, перед ней предстала наряженная в яркое платье четырнадцатилетняя кокетка. Младшая сестра, далёкая от пуританства, в поступках, без намёка на дисциплину. Но Анна не смотрела на это, она видела только дочь своей матери, маленькую сестру, свою Сонечку. Любовь, которая в стенах пансиона немного угасла, с новой силой захватила Анну. И тогда она решила больше никогда не расставаться с сестрой, ни при каких обстоятельствах.

Сходство сестёр просто удивительно. Обе похожи на мать. Не будь между ними разницы в шесть лет, можно было бы сделать предположение об одномоментном рождении. Но выражение лиц – Анны, со стойким отпечатком добродетели, и Сонечки - с шаловливым взглядом юной кокетки, путало и сбивало с толку. А разница в одеянии и причёсках была столь разительна, что на первый взгляд могло показаться, будто рядом стоят барышня и гувернантка.

С уверенностью можно сказать, что ласковое выражение лица и нежные объятия Анны отрезвляюще подействовали на Сонечку. Она словно затаилась и стала наблюдать, хотела узнать, нет ли тут какой хитрости, призванной повлиять на её нрав, но всё, чего она добилась, это перемен в собственном поведении. Присутствие Анны как будто сдерживало эмоциональность Сонечки. Любые вспышки гасились добрым отношением сестры. Спустя некоторое время Сонечка уже понимала бесполезность и даже глупость этих истерик. Порой визгливые нотки всё же прорывались, но очень быст-

ро затихали. Как будто становилось неловко перед сестрой. Неожиданно для себя Сонечка поняла, что делала всё неправильно и не так. Появление Анны остудило капризный нрав Сонечки, ведь она получила возможность, как будто посмотреть на себя со стороны, но в другом облике, с иным углом зрения. Нельзя сказать, что ей это понравилось, но это помогло.

Прошло ещё немного времени и Сонечка даже начала стыдиться своего прошлого поведения. Порой проскакивала некоторая импульсивность, но уже с более добрыми намерениями. А те капризы, что никак не могла сдержать, приводили только к улыбке сестры. Каждый раз, когда Сонечка бежала к Анне пожаловаться на что-либо, та доступно объясняла, почему жалобы эти беспочвенны. И Сонечка понимала, да, действительно так. Теперь она стремилась всячески показать Анне не бесполезность своего существования. Она старалась, тянулась и подражала сестре. Слабые попытки, сначала неуклюжие и бестолковые, но после смелые и осмысленные довели до того, что перемены стали явными и, казалось, бесповоротными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.